

ЭЛЛИС

В защиту декадентства

По поводу статьи Н. Бердяева
«Декадентство и общественность» *

Как известно, с начала этого года «Русская мысль» издается под новой редакцией¹. Если с художественными вкусами «прежней» редакции мы и не могли согласиться ни в чем, то, по крайней мере, знали их определенность. Художественные же вкусы «новой» редакции отличаются необыкновенной гибкостью и противоречивостью. По-видимому, эта новая редакция сама не знает, чего она хочет, или старается с помощью компромиссов примирить непримиримое. Так, новая «Русская мысль» печатает статью Д. Мережковского, но делает примечание, что с ней не согласна; печатает стихи Валерия Брюсова, но рядом куплеты Сергея Кречетова и даже quasi-рассказы разных литературных безличностей; жалуется на падение Бальмонта, но умиляется на сладенькие стишки Виктора Стражева и т. д.²

Помещение в «Русской мысли» статьи Н. Бердяева «Декадентство и общественность», на этот раз без всякого примечания, является неожиданным выступлением уже прямо против искусства, которому журнал как будто бы и пытался, хотя и с запинками, служить.

Когда четыре года назад появилась первая книжка «Весов»³, они прежде всего поспешили провозгласить как итог всей предыдущей деятельности передовой группы писателей *полную свободу художественного творчества*. «История нового искусства, — писал Валерий Брюсов **, — есть прежде всего история его освобождения... Ныне искусство наконец свободно!» Свобо-

* «Русская мысль», 1907, № 6.

** Валерий Брюсов. «Ключи Тайн»: «Весы», 1904, № 1.

да искусства означает признание за ним самостоятельной роли, признание за ним права на постановку целей и задач, не подчиненных никаким другим целям и задачам. В статье Н. Бердяева мы опять встречаем требования поработить искусство, правда, на этот раз не «жизни» (понятой в узком смысле слова, — жизни, т. е. ближайшим нуждам человека), но — «бытийственной красоте», «мистической реальности», «теургическому действию», «новой плоти» и т. д. Искусство, конечно, ничего не выигрывает от такой подмены, потому что опять из него хотят сделать только *средство*, только особого рода «муку-Геркулес» для выращивания мистиков.

Большая часть статьи г. Бердяева занята критикой декадентства. Однако г. Бердяев пишет: «Декадентство — единственная у нас теперь литература и искусство», и еще: «Я очень высоко ставлю так называемое декадентское искусство, считаю его единственным * настоящим искусством в нашу эпоху». Таким образом, критика декадентства как искусства настоящего, подлинного, превращается у г. Бердяева в критику искусства вообще. А так как дальше оказывается, что декадентство повинно в самых непростительных грехах, то остается непонятным, за что именно г. Бердяев «высоко ставит декадентское искусство». Не написаны ли им эти слова только затем, чтобы не показаться отставшим от века? Правда, г. Бердяев, чтобы смягчить противоречие, подменяет слова «декадентское искусство» другими, заявляя, например: «Я буду говорить о декадентском состоянии современной души, о декадентском мироощущении и мироотношении», — но каким образом «декадентское искусство» может быть *не* выражением «декадентского состояния души» и т. п.?

В чем же обвиняет г. Бердяев декадентство? Он находит, что «декадентство есть отражение иллюзорного бытия», что «ужас декадентства — в потере ощущения и сознания реальности, в крайнем антиреализме». Но не всякое ли искусство, отрекаясь от данной действительности, дает ощущение иной реальности, возвышаясь над реальным бытием (данным в опыте), сообщает чувство иного бытия? В проникновении в иную реальность и заключается трагизм, которым живет душа истинного художника. И г. Бердяев напрасно противопоставляет «декадентским

---

* Кстати, вряд ли сами «декаденты» (где они?) согласятся с таким расширением понятия декадентства до беспредельности. Неужели Толстой и Чехов уже утратили свое значение «в нашу эпоху»? Неужели можно назвать «декадентскими» такие произведения «нашей эпохи», как «Огненный ангел» В. Брюсова?

переживаниям», будто бы иллюзорным, переживания мистические, которые, по его утверждению, *реальны*, в том смысле, что они «сопровождаются ощущением и сознанием реальности предмета, объекта своего усмотрения». Говорить так — значит нечестно играть словами, употребляя «реальность» то в одном, то в другом смысле. Мы спрашиваем г. Бердяева, можно ли одинаково назвать реальными блоху, стакан с вином, вечность и Бога? А ведь каждый из этих объектов может «сопровождаться ощущением реальности предметов своего усмотрения». Мистические откровения, конечно, действительны, но в той же мере, в какой действительны, т. е. реальны, а не иллюзорны «декадентские переживания». Иначе можно было бы измерять бесконечность куском веревки и ставить в вазу букеты из «вечных роз»!

Помимо избитых аргументов quasi-философского характера, г. Бердяев не погнушался воскресить и те обвинения против нового искусства, которые создали славу Герострата Максу Нордау, а затем целые годы расцветали на страницах «Нового времени»⁴: «Декадентству грозит *вырождение*., декадентскую литературу и искусство я здесь беру лишь как симптом *болезни духа*» и т. д. Поэтому г. Бердяев приветствует мнимый «уклон В. Брюсова к классицизму», забывая, что сам только что признал единственно ценным искусством «в нашу эпоху» так называемое декадентство*. Поэтому же г. Бердяев считает нужным «преодолеть» искусство, в то же время заявляя: «Теургия есть идеал искусства религиозного, теургическое искусство есть уже *религиозное действие*», — и произвольно называя Тютчева и Достоевского «мистическими реалистами», оказывает сомнительную услугу как искусству, так и самой теургии.

Таковы аргументы против искусства, идущие со стороны наших «теократов», мечтающих о полетах всего человечества и отнимающих у него то, без чего невозможна даже самая первая идея о полете!.. Но Демон истории, самый реальный и самый могучий из всех демонов, охраняющих нашу землю, не замедлит *завтра* же превратить нашу мистику и теократию в *клерикализм*, подобно тому как он *вчера* еще превратил наш «реализм» в *полудекадентство!*

* Впрочем, у нас теперь стало почти обыкновенным со стороны всякого, лишенного доступа на Парнас, обвинять всех, достигших высот творчества, в «парнализме», всех, сознательно творящих, в «академизме».